

А. М. Введенский (Санкт-Петербург)

ЖИТИЕ ВАРЯГОВ-МУЧЕНИКОВ: ЛЕТОПИСЬ И ПРОЛОГ

Повествование о смерти в Киеве двух варягов-христиан читается во всех списках Повести временных лет (далее — ПВЛ) под 6491 (983) г., а также в Новгородской первой летописи младшего извода, отражающей чтения Начального свода 90-х годов XI в. Сходный с летописным повествованием рассказ о варягах-мучениках читается также в Прологе. Вопрос о взаимоотношениях между этими текстами, на наш взгляд, остается спорным, хотя многие исследователи считают, что существовал текст Сказания о варягах-мучениках, который лег в основу как летописного, так и проложного повествований, по-разному отразивших этот первоначальный текст, причем Пролог в большинстве случаев сохранил его лучше, чем летопись¹. Исследователи, недавно опубликовавшие ряд житий (в том числе и Житие варягов-мучеников) по самому раннему списку Пролога, содержащему рассказ о варягах-мучениках, который датируется XIII в. (РНБ. Q.п.I.63 — далее Q), считают, что повествование о варягах-мучениках создавалось для Сказания, потом было переработано для нужд церковной службы как проложная память и на основании последней было использовано в летописи². Тщательное сравнение текстов Пролога и летописи убеждает в том, что первичным, скорее всего, является как раз текст летописи, а не Пролога. Приведем некоторые примеры.

Вместо вводной фразы летописи о походе Владимира на ятвягов: «Иде Володимеръ на ятвягы, и побѣдѣ ятвягы, и взя землю ихъ», в Прологе дается характеристика Владимира: «Вълодимеръ, еще поганъ сый, победи ятвягы». Вставка «еще поганъ сый» составителем Пролога сделана с целью отметить тот факт, что Владимир был еще язычником в то время, когда совершалось убийство варягов-христиан. Сама же структура начального пассажа летописи ничем не отличается от предыдущих и последующих годовых статей, в которых говорится о походах и покорении племен. Ср.: под 985 г. «Иде Володимеръ на Болгары... и победи Болгары» и др.³ На первичность летописного текста также указывает паратакисис в построении нарратива, который разрушается вставкой Пролога. Более древним является и устойчивое сочетание «о отрока и девицю», нежели «на сыны и дщери наша» Пролога, что отмечает и В. В. Колесов⁴.

В проложном тексте, в отличие от летописного, существует указание на причину принесения жертв кумирам: «о побѣде». А. Н. Насонов считал, что в данном случае «о побѣде» — первичное чтение, содержавшееся в общем для летописи и Пролога источнике, а летописец данное чтение, видимо, опустил: «В летописи связь между победоносным походом и жертвоприношением только подразумевается, она не ясна»⁵. Этот аргумент не представляется убедительным, поскольку такое излишнее пояснение не может служить доказательством первичности или вторичности данного чтения. С неменьшим основанием можно предположить, что составитель Пролога ввел эту фразу в первоначальный текст.

В списке Q Пролога читаем: «и бяше некто человек божий именемъ варяг родомъ». Как предполагал А. А. Шахматов, после «именемъ» следует реконструировать имя варяга — Туры, т. е. «именем Туры, варяг родомъ». Недавно А. А. Турилов предложил более изящную трактовку данного места легенды. Исследователь предлагает видеть в словах «человека божьего» непонятное летописцам имя варяга Феандр (из θεός — «бог»; ανήρ, ανδρός — «человек»): поскольку варяг был из Царьграда, то и имя у него должно быть греческое⁶. Как считает А. А. Турилов, это объясняет преобразования имени старшего

¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 145–146; Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVII века. М., 1969. С. 23–26; Колесов В. В. Сказание о варяге и сыне его Иоанне // Русская речь. № 5. 1981. С. 101.

² Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К. Жития княгини Ольги, Варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ, Q.п.I.63) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 288–308. Благодарю А. А. Пичхадзе, В. А. Ромодановскую и Е. К. Ромодановскую за возможность ознакомления с данной работой до ее выхода.

³ ПСРЛ. М., 2001. Т. 1. С. 84.

⁴ Колесов В. В. Сказание о варяге и сыне его Иоанне. С. 105.

⁵ Насонов А. Н. История русского летописания. С. 23–24.

⁶ Турилов А. А. «Человек божий именемъ» (Об имени старшего варяга мученика) // Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 20–22 февраля 1995 г. Тезисы докладов. М., 1995. С. 83–84.

варяга в поздних списках Пролога — Федор, так как получить Федора из Феандра проще, чем из имени Туры. Но и такая гипотеза порождает ряд вопросов. К примеру, как просуществовало имя старшего варяга Феандр до XVI—XVII в., если оно не зафиксировано в русском ономастиконе и ни в каких списках жития варягов-мучеников (ни в проложных, ни в летописных) не встречается, и на каком этапе оно было изменено на имя Федор и по каким причинам? Следует, на наш взгляд, предположить, что введение имени Федор в текст жития варягов-мучеников не имеет никакого отношения к имени Феандр, а было сделано в XVII в., чтобы указать отсутствующее имя старшего варяга. Вероятнее всего, изначально имя старшего варяга не называлось вовсе, а слово «именемъ» в тексте Пролога появилось под пером южнославянского переписчика, который либо принял слово «варяг» за личное имя, либо, написав «именемъ», чтобы вписать имя Иоанн, «вспомнил», что это имя младшего варяга, и не стал его вписывать.

Фраза «бѣ дворъ его, идеже есть церкви святыя Богородица, юже созда Володимеръ» в Прологе опущена, так как весьма вероятно, что данные киевские реалии были уже не актуальны для его составителя, который, возможно, составлял свой текст вне Киева. Также и характеристика сына варяга «красень телом и душею» присутствует лишь в летописном тексте. Она, видимо, не попала в Пролог, так как его автор «не интересовался мирской красотой»⁷.

Следует отметить, что речь варяга если не тождественна, то очень близка к словам католического проповедника из сюжета о «выборе веры» князем Владимиром, находящегося в летописи под 980 г.: «кланяемъ и Богу, еже сотворил небо и землю, и звезды, месяцъ и всяко дыхание, а бози ваши — древо суть»⁸. Слова католического проповедника являются как бы кратким вариантом речи варяга и заканчиваются так, как начиналась речь старшего варяга. В перечислении творений Господних в Прологе упоминаются лишь небо и земля, тогда как в летописном тексте о варягах-мучениках есть и «звезды», как в «католической» речи, и «луна» (в сюжете о «выборе веры» фигурирует месяц). Следует предположить, что летописец взял за основу речь католического проповедника, чтобы сконструировать высказывание старшего варяга, и расширил ее, а составитель Пролога впоследствии опустил дополнительные перечисления.

Пролог содержит также ряд других сокращений текста, пропусков и вторичных чтений. В Прологе пропущено «и обоидоша дворъ около его. Он же стояще на сѣнхъ съ сыномъ своимъ»⁹. Это очевидный пропуск, так как без указания на местонахождение варягов «на сѣнхъ» непонятен заключительный пассаж «и посѣкоша сѣни под нима», который есть и в Прологе, и в летописи. Правильное чтение «и перетеребуете имъ» присутствует только в летописи, а в проложных текстах данное чтение искажено¹⁰.

Дальнейший текст Пролога и летописи весьма схож, за исключением философско-богословского пассажа, содержащегося в конце летописной статьи и отсутствующего в Прологе. Как нам представляется, данный пассаж об отсутствии апостолов на Руси появился в летописи в Начальном своде 90-х годов XI в., как и схожий пассаж под 988 г. В то же время у нас нет никаких оснований, чтобы разрывать философско-богословский пассаж об отсутствии апостолов на Руси с повествованием о гибели варягов-мучеников. Составитель Пролога мог опустить этот богословский пассаж, так как считал, что апостолы на Русь приходили. Также впоследствии поступали и составители более поздних летописных сводов.

Как можно видеть, тексты Жития варягов-мучеников в летописи и в Прологе очень близки, но существующие различия не позволяют нам ни постулировать первичность проложного текста относительно летописного, ни возводить легенду о варягах-мучениках к «Сказанию о распространении христианства на Руси». Более предпочтительной представляется первичность летописного текста, так как нет ни одного примера, указывающего на лучшую сохранность текста в Прологе, а также на зависимость летописи от Пролога, а вот обратные взаимоотношения между летописью и Прологом прослеживаются.

⁷ Колесов В. В. Сказание о варяге и сыне его Иоанне. С. 104.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. С. 85.

⁹ Это отмечал еще А. Н. Насонов: Насонов А. Н. История русского летописания. С. 24.

¹⁰ О правильности чтения «перетеребуете имъ» см.: Гиппиус А. А. О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // Russian Linguistics. 2002. № 26. Р. 94.

